

Лифанов Н.А., Седова М.С. Средневековые угорские погребения на Самарской Луке

// *Археология Восточноевропейской лесостепи.* – Пенза, 2003.

С.306

Период, наступивший после прекращения существования памятников новинковского типа (предположительно, в третьей четверти VIII в.) и до начала освоения Самарского Поволжья волжскими болгарами в конце X в., является одним из наименее изученных в археологии данного региона. На его территории в это время не фиксируется какой-либо крупной культурной общности, что создаёт впечатление «запустения». Лишь единичные случайные находки позволяли предполагать появление в IX в. на северной окраине поволжской степи кочевников, относившихся к разнообразным этнокультурным группировкам (Хрящёвка, Золотая Нива, Немчанка, 116 км, Лебяжинка, Бобровка) (Мерперт, 1954, с. 128; Васильев, Матвеева, 1986, с. 165; Сташенков, Турецкий, 1999; Скарбовенко, 2001), а в X – печенегов (Васильева, 2000, с. 268-273; Иванов, 2000, с. 274-275). В данном сообщении представлены материалы новых исследований средневековых погребальных комплексов с территории Самарской Луки.

В полевых сезонах 2001 и 2002 гг. при исследовании селища имениковской культуры Ош-Пандо-Нерь (раскоп VIII) (рис. 2) под руководством Н.А.Лифанова были обнаружены два погребения (№№ 14 и 16), отличные от обнаруживаемых на этом же участке захоронений новинковского типа, принадлежащих к Шелехметскому II курганно-грунтовому могильнику. Одним из отличительных признаков этих погребений являлось их неглубокое расположение от современной поверхности почвы, вследствие чего они имели плохую сохранность.

Могильная яма захоронения №14 была зафиксирована лишь на профиле бровки, она находилась на глубине 36 см от современной поверхности и имела собственную глубину 45 см. Ширина ямы в верхней части составляла 73 см, у дна 45 см. Яма была вырыта в материковом суглинке и засыпана серо-коричневым суглинком, составлявшим культурный слой селища Ош-Пандо-Нерь. В заполнении её встречались мелкие угли.

С.307

Костяк располагался головой на северо-запад ($A=315^0$) вытянуто на спине, однако положение рёбер (левая сторона «закрыта», правая «раскрыта») позволяет предположить, что покойный был захоронен на правом боку. Руки погребённого слегка согнуты в локтях, правая нога – в колене. Кисть левой руки отсутствовала (рис. 4 – 4). Инвентарь погребения состоял из лепного горшка с округлым, слегка уплощенным дном, располагавшегося у головы покойного. Округлый в сечении венчик сосуда отогнут и орнаментирован косыми насечка-

ми. Верхняя часть тулова сосуда украшена орнаментом из двух параллельных зигзагов, выполненных резными линиями (рис. 5 – 8).

Могильная яма погребения №16 не фиксировалась, захоронение было совершено выше уровня материка на глубине 34 см от современной поверхности. Погребённый лежал головой на запад ($A=295^0$) вытянуто на спине со слегка согнутыми в локтях руками (рис. 4 – 5). Единственным предметом инвентаря при нём являлся плохой сохранности железный нож длиной 5,5 см, лежавший под правым предплечьем.

Аналогии сосуду из погребения №14 обнаруживаются на территории Приуралья, среди памятников, относимых к культурам угорского мира. Так, резной орнамент в виде двойного зигзага встречается на сосудах кушнаренковской и кара-якуповской культур (*Мажитов*, 1977, с., 221-234). По форме тулова и орнаментации венчика указанный сосуд может быть соотнесён с сосудами кара-якуповской культуры (*Иванов*, 1999, с. 54), некоторыми керамическими формами из Больше-Тиганского могильника на территории Татарстана (*Халикова*, 1976, с. 163 и 174), а также с лепным круглодонным «кувшинчиком»¹ из разрушенного погребения у с. Палимовка Бузулукского р-на Оренбургской обл. (*Перепёлкин, Сташенков*, 1996, с. 201, 206). Больше-Тиганские и Палимовское захоронения датируются IX в. (*Иванов*, 1999, с. 46; *Перепёлкин, Сташенков*, 1996, с. 201).

В 2000 г. при раскопках под руководством М.С.Седовой Подгорского I селюга (раскопы III и VI) (рис. 3), слои которого содержат материалы именьевской культуры и Волжской Болгарии домонгольского периода, были обнаружены три захоронения, также представляющие интерес для нашей темы. Все погребения были совершены в слое древней почвы неглубоко от уровня современной поверхности, очертаний могильных ям не прослеживалось.

И.Р.Газимзяновым и А.А.Хохловым были проведены антропологические исследования подгорских погребений (*Газимзянов, Хохлов*, 2000), результаты которых будут использованы в данной публикации.

Погребение №1. Костяк мужчины 45-55 лет лежал в вытянутом на спине положении, на глубине 58 см от уровня современной поверхности, головой на запад. Руки были вытянуты вдоль туловища, правая

С.308

лежала кистью на тазовых костях, левая кисть отсутствовала, но, судя по направлению предплечья, лежала параллельно туловищу (рис. 4 – 1). Расовая ди-

¹ На самом деле представляющим собой горшок со слабо выраженным носиком-сливом.

агностика черепа погребенного характеризуется смешанными чертами с преобладанием признаков монголоидного морфотипа восточных истоков.

Рядом с головой погребенного на уровне уха, очевидно на дне могильной ямы, лежала большая бронзовая серьга или височное кольцо овальной формы. Украшение изготовлено из серебряной полосы шириной 1,5-2 мм, плоской с внутренней и овально-выпуклой с внешней стороны изделия. Концы кольца заходят друг за друга, один из них заострен, другой обрезан под прямым углом. Диаметр серьги – 34x37 мм (рис. 5 – 2).

В области правого колена на той же глубине лежали односоставные железные удила (рис. 5 – 1). Длина стержня около 120 мм, на его концах имеются две небольшие петли, в которые вставлены по одному железному кольцу, диаметр которых 32x34 мм и 34x34 мм.

У правой ступни погребенного находился круглодонный сосуд с высокой шейкой и округлым туловом, орнаментированный зубчатым штампом (рис. 5 – 7). Орнамент представляет собой параллельные оттиски зубчатого штампа по срезу венчика, три ряда «косичек» на шейке и вертикальные оттиски штампа по плечу. На внутренней поверхности сосуда имеется слой нагара.

Погребение №2. Костяк женщины 30-40 лет лежал в вытянутом на спине с небольшим разворотом направо положении, головой на запад, на глубине 38 см от современной поверхности. Череп лежал на правой щеке. Левая плечевая кость была поднята до уровня середины черепа, слегка согнута в локте и лежала кистью в области талии. От правой руки сохранилась лишь лучевая кость, которая лежала параллельно позвоночнику и своим нижним концом находилась на костях таза (рис. 4 – 2). Погребенная имела, скорее всего, европеоидный облик и плотное телосложение при небольшом росте. Определить генетические истоки данному морфотипу достаточно затруднительно.

Возле черепа обнаружено бронзовое височное кольцо или серьга, сильно окислившаяся, от которой сохранился тлен. В области грудной клетки были обнаружены 4 бусины.

Две бусины имели форму прямоугольной призмы и были изготовлены из полупрозрачной стеклянной пасты в одном случае коричневого (длина 15 мм, длина стороны основания 3 мм) (рис. 5 – 3в), в другом – темно-зеленого цвета (длина 15 мм, размеры основания 6,5x4,65 мм) (рис. 5 – 3г). Третья бусина – из непрозрачной стеклянной пасты светло-зеленого цвета была в виде двух соединенных основаниями конусов (длина 16 мм, наибольший диаметр 8 мм) (рис. 5 – 3б). Четвёртая бусина – округло-цилиндрической формы, изготовлена из сердолика медового цвета (диаметр 8 мм) (рис. 5 – 3а). На тазовых костях лежал железный нож

с прямой спинкой. Концы его черешка и лезвия обломаны. Длина сохранившейся части черешка 35 мм, лезвия – 52 мм (рис. 5 – 4).

Погребение №3. Погребенный ребенок 5-6 лет лежал в вытянутом на спине положении, головой на запад, на глубине 68 см от уровня современной поверхности. Череп развернут на левую щеку. Руки вытянуты вдоль тела, кисти отсутствовали. От ног сохранились только бедренные кости (рис. 4 – 3). Вещей при погребенном не было.

Стратиграфическое положение грунтового могильника по отношению к болгарскому селищу более раннее. В засыпке костяков полностью отсутствовали находки болгарского времени. Часть могильника была разрушена позднейшим болгарским населением. Это можно предположить по находкам фрагментов человеческих черепов вблизи погребения №2 и в сооружении №6 (болгарская хозяйственная яма), находке бронзового наконечника ремня в этой же яме и сломанного железного стремени вблизи погребения №1. Если датой появления памятников волжских болгар на Самарской Луке следует, по всей видимости, считать конец X – начало XI вв., то подгорские захоронения совершены не позднее этой даты.

И погребальный обряд, и инвентарь данных захоронений подтверждают и конкретизируют данное предположение. Погребения из Подгор принадлежат в соответствии с классификацией С.А.Плетнёвой к группе 1 (*Плетнёва, 1973, с. 12*), а по Г.А.Фёдорову-Давыдову к типу I отдела А, который был в наибольшей степени распространён в X-XI вв., когда в степях Восточной Европы господствовали печенеги и торки (*Фёдоров-Давыдов 1966, с. 124, 134*). Западная и юго-западная ориентировки включены В.А.Ивановым в список признаков, характерных для печенежского погребального обряда (*Иванов, 2000, с. 275, 276*).

Односоставные удила с подвижными круглыми кольцами по С.А.Плетнёвой являются одной из наиболее характерных находок, приписываемых печенегам (*Плетнёва, 1958, с. 156-157; Плетнёва, 1963, с. 246; Плетнёва, 1973, с. 20*). По Г.А.Фёдорову-Давыдову они принадлежат к типу VI (*Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 18*), который в XI в. был уже мало распространён, а к XII в. вышел из употребления (*Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 20*).

Таким образом, погребение №1 с территории Подгорского I селища, равно как и погребения №№ 2 и 3 относятся к X в. Некоторые находки, встреченные в болгарском слое памятника, также могут быть причислены к материалам этого времени. Наконечник ремня из сооружения №6 (рис. 5 – 5) имеет стилистические аналогии среди поясных украшений населения вымской культуры раннего этапа (*Савельева, 1971, с. 56, 195-196*), датирующегося X-XI вв. (*Савельева, 1971, с. 36, 42*), а также северных удмуртов X – начала XII вв. (*Иванова, 1992, с.*

51, рис. 17 – 1, 2). Фрагментированное стремя яйцевидного контура (рис. 5 – 6) сходно с находками из огузских погребений X – первой половины XI вв. в меж-

С.310

дуречье Волги и Эмбы (*Кригер*, 1993, с. 139, 143) и из комплексов печенежского времени в Приуралье (*Иванов*, 2000, с. 276).

Сделанным выше выводам не противоречит и датировка сосуда из погребения №1: группа VII керамики с памятников Волжской Болгарии, которой он соответствует, распространяется с начала X в. и сохраняется на протяжении всего домонгольского периода (*Хлебникова*, 1984, с. 107, 109). Однако, его форма и орнаментация ни в коей мере не способствуют признанию подгорских захоронений печенежскими.

Керамика со шнуровым орнаментом является одним из характерных признаков погребальных памятников Южного Урала, ряд которых содержит также указанные односоставные удила: Мрясимово к. 8 п. 2, к. 10 п. 4, к. 11 п. 1, Лагерево к. 21, Каранаево к. 18 п. 2 (*Мажитов*, 1981, с. 151-156). Преобладающей ориентировкой погребённых в курганах «мрясимовского» типа является западная (с отклонениями) (*Мажитов Н.А.* 1981, с. 157). Н.А.Мажитов отнёс «мрясимовские» курганы к XII в., опираясь на датировку всё тех же односоставных удил С.А.Плетнёвой и почему-то Г.А.Фёдорова-Давыдова (*Мажитов Н.А.* 1981, с. 157), несмотря на то, что у последнего автора на указанных страницах эта дата как раз и исключается (см. выше). Нам ближе точка зрения В.А.Иванова, синхронизирующая «мрясимовские» курганы с огузо-печенежскими памятниками (*Иванов*, 1999, с. 91; *Иванов*, 2000, с. 281).

Таким образом, погребения с селищ Ош-Пандо-Нерь и Подгоры I были, по всей видимости, оставлены угорским населением, проникавшим на Самарскую Луку из Приуралья. Захоронения относятся к разным хронологическим периодам (IX и X вв.) и принадлежат различным этнокультурным группировкам.

В.А.Иванов интерпретировал как венгерские несколько одиночных погребений в среднем и нижнем течении р. Самары (Палимовское, Ромашинское, Немчанка, 116 км), сочтя их маркерами мадьярской миграции на запад второй половины IX в. (*Иванов*, 1996, с. 194-196; *Иванов*, 1999, с. 89-95). Захоронения на селище Ош-Пандо-Нерь как бы продолжают этот ряд на Правобережье Волги. Однако, факт их нахождения на Самарской Луке может свидетельствовать скорее в пользу пребывания угров на этой территории в течение некоторого времени. На сегодняшний день ни исторически, ни археологически не зафиксированы факты прохода переселенцев через Луку, напротив, их оседание на её естественным образом защищённых землях – явление обычное. Такое же предположение не исключено и в отношении подгорских погребений, оставленных

населением, в культурном отношении связанном с уграми Западной Сибири (Иванов, 1999, с. 91), в начальный период освоения Самарской Луки болгарами.

С.314

Литература

Васильев, Матвеева, 1986 – Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев, 1986.

Васильева, 2000 – Васильева И.Н. Памятники тюркских кочевников домонгольского периода в Самарском Заволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.

Газимзянов, Хохлов, 2000 – Газимзянов И.Р., Хохлов А.А. Отчет об антропологической экспертизе костных останков из раннесредневековых погребений на территории Подгорского 1 селища // Седова М.С. Отчет об обследовании I Подгорского селища в 2000 г.

Иванов, 1996 – Иванов В.А. Урало-Поволжская часть мадьярского пути на Запад // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.

Иванов, 1999 – Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999.

Иванов, 2000 – Иванов В.А. Заволжская Печенегия // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.

Иванова, 1992 – Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI-XIII вв. Ижевск, 1992.

Кригер, 1993 – Кригер В.А. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

Мажитов, 1977 – Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. М., 1977.

Мажитов, 1981 – Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М., 1981.

Мерперт, 1954 – Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА №42. Труды КАЭ. Т I. М., 1954.

Перепёлкин, Сташенков, 1996 – Перепёлкин С.Б., Сташенков Д.А. Палимовское погребение // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.

Плетнёва, 1958 – Плетнёва С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА №62. М., 1958.

Плетнёва, 1963 – Плетнёва С.А. Кочевнический могильник близ Саркела – Белой Вежи // МИА №109. М., 1963.

Плетнёва, 1973 – Плетнёва С.А. Древности Чёрных Клобуков. М., 1973.

Савельева, 1971 – Савельева Э.А. Пермь Вычегодская. М., 1971.

Сташенков, Турецкий, 1999 – Сташенков Д.А., Турецкий М.А. Погребение эпохи раннего средневековья у хутора Лебяжинка (к вопросу об этнокультур-

ной ситуации в Самарском Поволжье в IX в.) // Вопросы археологии Поволжья. Выпуск 1. Самара, 1999.

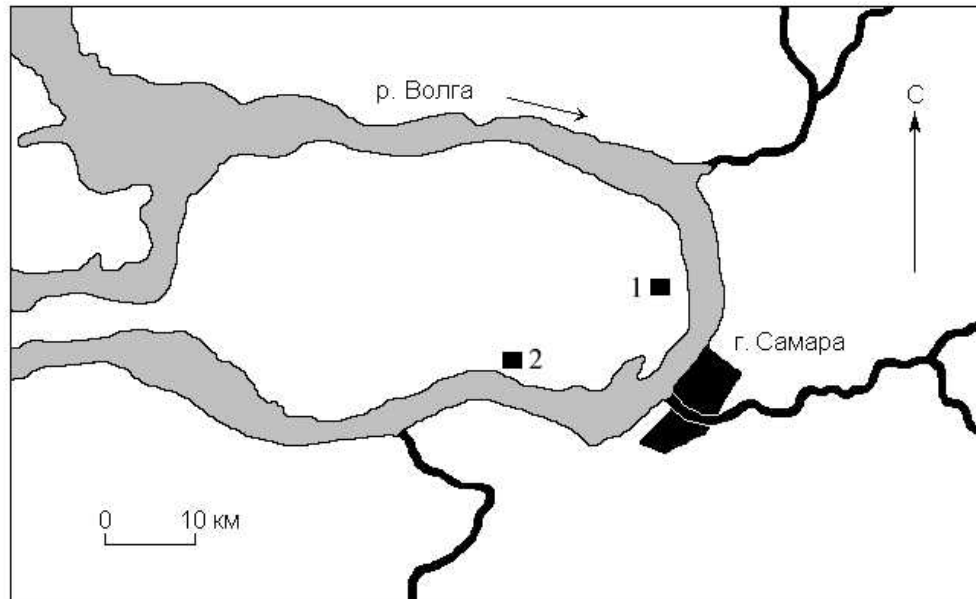
Фёдоров-Давыдов, 1966 – Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Халикова, 1976 – Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА 1976, №2.

Хлебникова, 1984 – Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984.

Рис. 1

Местоположение Подгорского I и Ош-Пандо-Нерь селищ.

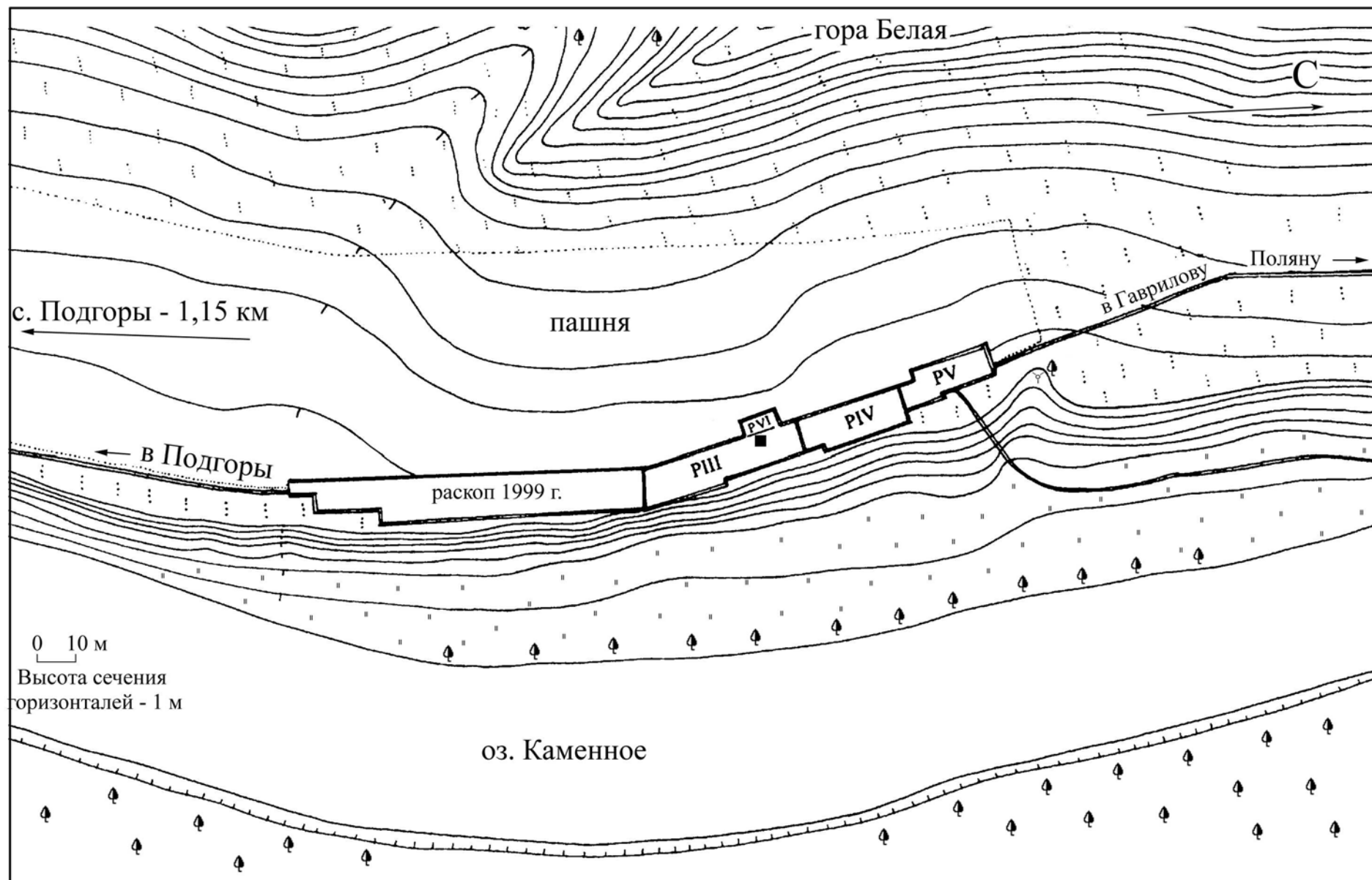
1 - Подгорское I селище
2 - селище Ош-Пандо-Нерь

Рис. 2

Селище Ош-Пандо-Нерь. Ситуационный план.

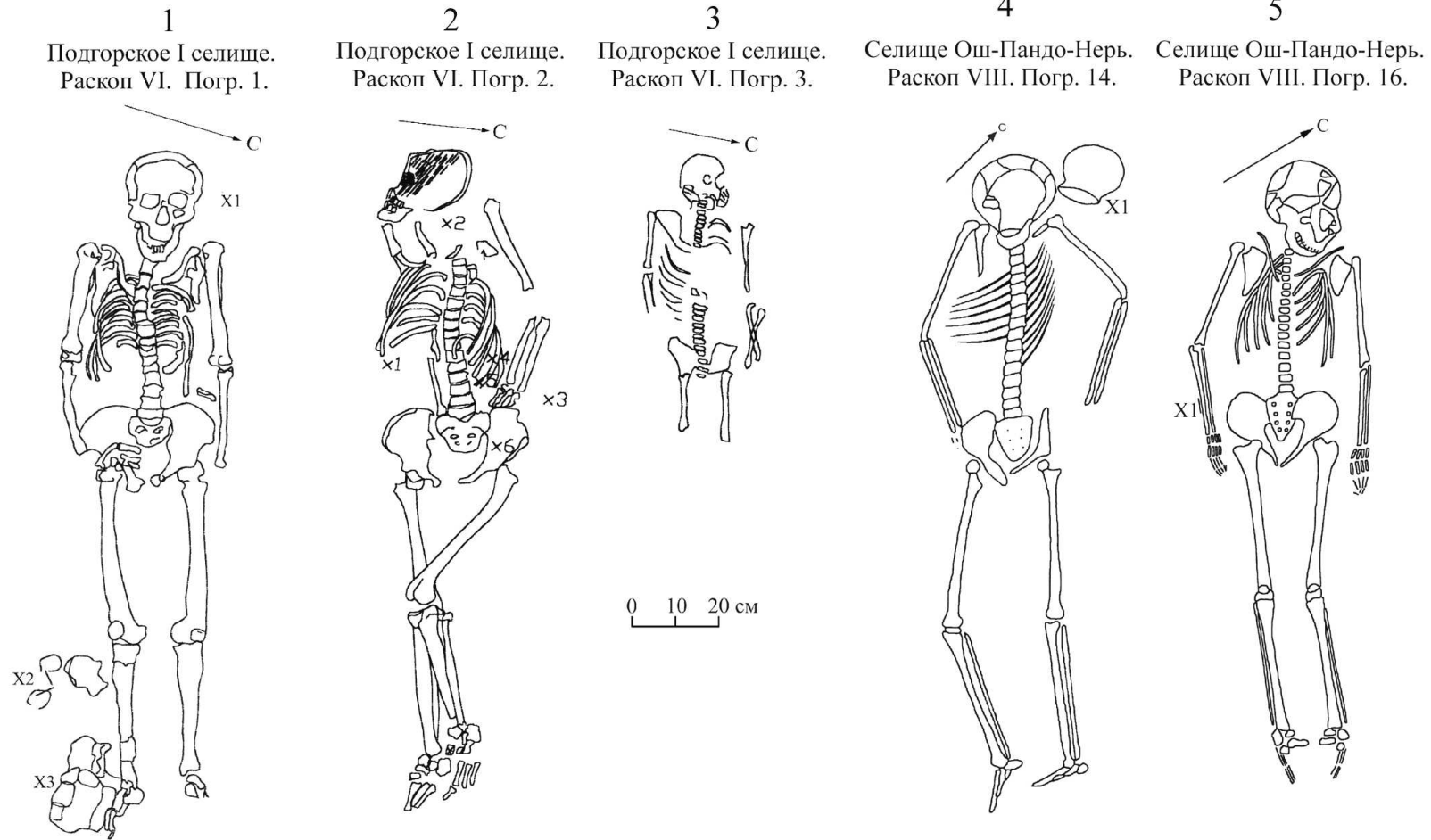

Рис. 3
Подгорское I селище. Ситуационный план.

■ место расположения погребений

Рис. 4

1
X1 - бронзовое височное кольцо
X2 - удила
X3 - сосуд

2
X1 - бусина зелёного цвета
X2 - бронзовое височное кольцо
X3 - бусина коричневого цвета
X4 - бусина зеленоватого цвета (пастовая)
X5 - сердоликовая бусина
X6 - железный нож

4
X1 - сосуд

5
X1 - железный нож

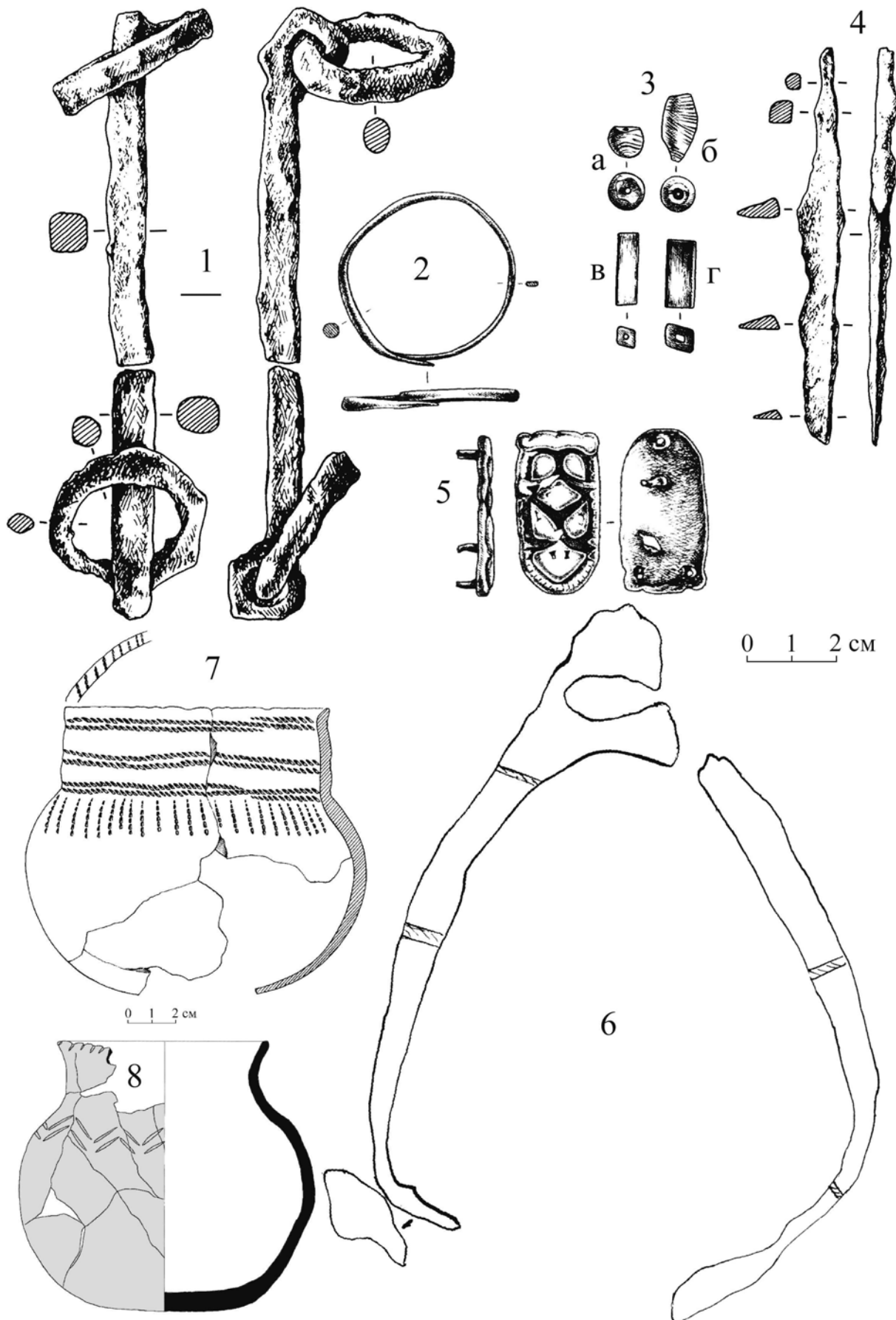

Рис. 5
 1, 2, 7 - Подгоры I, п. 1; 3, 4 - Подгоры I, п. 2;
 5, 6 - Подгоры I, поселенческий слой;
 8 - Ош-Пандо-Нерь, п. 14